
Н.И. ПИРОГОВ – ОРГАНИЗАТОР ПЕРВОГО В МИРЕ ОТРЯДА СЕСТЕР МИЛОСЕРДИЯ

Л.Д. Шалыгин, проф., А.Ф. Логинов, И.В. Животнева, А.А. Глоба
Национальный медико-хирургический центр им. Н.И. Пирогова Росздрава

E-mail: zivotneva@mail.ru

2010 год в России объявлен годом Н.И. Пирогова

Величественная фигура Николая Ивановича Пирогова выходит далеко за рамки отечественной хирургии. Его мысли, убеждения, разносторонняя деятельность сделали его имя широко известным за пределами России.

В 1854–1855 гг. Н.И. Пирогов добровольно принял участие в обороне Севастополя не только как хирург, но в первую очередь – как организатор хирургической помощи раненым.

По единодушной оценке современников, это был гражданский подвиг морально-нравственного характера, ставший хрестоматийным событием в общественной жизни России тех лет. Хирург Пирогов по праву вошел в число легендарных защитников Севастополя и национальных героев Отечества.

Сейчас нам трудно даже представить себе условия, в которых находились раненые в лазаретах времен Крымской кампании. Правительство не заботилось о солдатах, и положение их было поистине ужасным.

«Я никогда не забуду, – писал Пирогов, – моего первого въезда в Севастополь. Это было в позднюю осень, в ноябре 1854 года. Вся дорога от Бахчисарая, на протяжении 30 верст, была зарыта транспортом раненых, орудий и фуража. Дождь лил, как из ведра; больные и между ними ампутированные лежали по двое и по трое на подводе, стонали и дрожали от сырости... Слышались в то же время и вопли раненых и карканье хищных птиц, целыми стаями слетавшихся на добычу... Поневоле приходилось задумываться о предстоящей судьбе наших больных; предчувствие было неутешительно».

Севастополь переживал трудные дни. В Крыму высились 62 тыс. английских, французских и турецких военнослужащих, что было вдвое больше численности русских, да и вооружены они были лучше. 5.10.1854 г. начался ожесточенный обстрел Севастополя. Ядра, бомбы, гранаты противника дождем падали на город. На одном из важнейших укреплений, Малаховом Кургане, был убит адмирал Корнилов – душа обороны Севастополя.

С первых же дней осады города проявились те особенные свойства русских солдат и матросов, благодаря которым оборона Севастополя навеки вошла в историю русской славы: их непоколебимое мужество, самоотверженность, отвага. На 3-м бастионе несколько раз менялась орудийная прислуга, но люди продолжали порученное им дело: вели огонь, на ходу исправляли повреж-

Н.И. Пирогов на перевязочном пункте в осажденном Севастополе
(с картины художника Л. Коштелянчука)

дения, расчищали амбразуры. Около 3 ч дня неприятельская бомба пробилась пороховой погреб. Страшный взрыв поднял на воздух часть бастиона. Из 22 пушек уцелело только 2 и при них осталось всего 5 артиллеристов. Бастион казался обреченным. Несмотря на это, множество добровольцев вызвались пойти туда, на смену вышедшим из строя.

Вскоре после первой бомбардировки Севастополя произошло 2 крупных сражения под Балаклавой и Инкерманом. Большую часть раненых направляли в Севастополь. Почти никакого ухода за ними не было, многие подолгу лежали без матрацев в грязи, в душном, смрадном воздухе. В это-то время в Крым приехал Пирогов. Он прибыл не один – за ним следовал первый в мире отряд сестер милосердия, принявших участие в оказании медицинской помощи раненым и больным в боевых условиях. Это был замечательный почин лучшего хирурга России, связанный с новаторской идеей привлечения женщин к оказанию медицинской помощи раненым и пораженным в период ведения боевых действий. Пирогов не уставал повторять: «Мы должны истребовать пальму первенства в деле столь благословенном и благотворном и ныне всеми принятом, как женская помощь раненым на театре войны. Наши женщины должны занять место в обществе, более отвечающее их человеческому достоинству и их умственным способностям...» (1876).

Мысль об организации женского ухода за больными и ранеными зародилась в высших слоях петербургского общества. До тех пор женский персонал имелся только в тыловых госпиталях, на передовую линию фронта жен-

щин не допускали. Организаторы первой общины милосердия исходили из того, что женщины гораздо лучше умеют ухаживать за больными, всегда готовы утешить их ласковым, приветливым словом. Николай I долго не решился на столь необычное мероприятие. Тем не менее удалось основать «Крестовоздвиженскую общину сестер попечения о раненых и больных», которую официальная Россия приняла в штyki. Реакционные чиновники и обыватели усматривали в этом нарушение правил приличия и утверждали, что сестры, заслушав канонаду, так перепугаются, что не смогут работать. Однако у нового дела нашлись и защитники, и одним из самых горячих поборников женской медицинской помощи на войне стал Пирогов. «Я защищал мысль введения сестер в военных госпиталях против дурацких нападений старых колпаков, и моя правда осуществилась на деле», – говорил он впоследствии.

В конце октября 1854 г. Пирогов был командирован в Крым в распоряжение главнокомандующего «для ближайшего наблюдения за успешным лечением раненых». Он был поставлен в независимое положение от госпитального начальства всех рангов, а сестры милосердия подчинялись непосредственно и притом исключительно ему. Одновременно хирург получил право самостоятельно набирать врачей в свой отряд.

Некоторые из великосветских ханжей усиленно старались придать «общине сестер» церковно-религиозный характер. Пирогов резко возражал против этого: «Получатся не сестры, а женские Тартюфы», – с досадой заявлял он.

Из Петербурга Пирогову слали указания, подчеркивая, что нельзя не считаться с таким-то желанием таких-то высокопоставленных лиц. Пирогов, никогда не склонный к компромиссам, возмутился и послал великой княгине Елене Павловне письмо, составленное в очень энергичных выражениях. «Я высказал великой княгине всю правду, – писал он об этом позже. – Шутить такими вещами я не намерен. Для виду делать только – также не гожусь. Если выбор ее пал на меня, то она должна была знать, с кем имеет дело. Если хотят не быть, а только казаться, то пусть ищут другого, а я не перерожусь».

Трудность положения Пирогова усугубилась после встречи его с главнокомандующим князем Меншиковым. Вот как рассказывает Пирогов об этом свидании: «В 6 часов вечера я дотащился кое-как до маленького домишки с грязным двором, где заседал главнокомандующий. Едва обо мне доложили, как дверь отворилась, и я стал перед ним, что называется нос к носу. В конурке, аршина три в длину и столько же в ширину, стояла, сторбившись, в каком-то засаленном архалуке, «судьба Севастополя»...

Далее говорится о том, как отнесся князь Меншиков к приведенным Пироговым сестрам милосердия:

– Будет ли толк он них? Чтобы не сделать-с после еще третьего, сифилитического отделения в госпитале-с?

У Пирогова после этой встречи осталось самое неприятное впечатление от главнокомандующего: «Беззаботность об участи солдат, которых он, говорят, ругает направо, и явственное пренебрежение ко всему, что греет и живит, не может привлечь сердца. Возможно ли, чтобы главнокомандующий ни разу не пришел в госпиталь к солдатам, ни разу не сказал радушного слова тем, которые лезли на смерть... Он не может или не хочет сочувствовать солдатам...»

Интриги и неудовольствия со всех сторон окружили Пирогова. К тому же его глубоко огорчало и возмущало, что среди хозяйственников находились негодяи, которые тайком продавали перевязочные материалы неприятелю.

В осажденном Севастополе, распределив отряд сестер милосердия по лечебным пунктам, Пирогов разделил их в каждом пункте на 3 группы: на сиделок, помогающих при перевозках, аптекарей и хозяек. Являясь на дежурство, сестры поступали в распоряжение старшей сестры, которая несла ответственность за работу всей группы. Дежурство длилось сутки.

С первых же дней стало ясно, какую огромную пользу приносят сестры милосердия.

«Замечательно, – писал Пирогов, – что самые простые и необразованные сестры выделяют себя более всех своим самоотвержением и долготерпением в исполнении своих обязанностей. Они удивительно умеют простыми и трогательными словами у одра страдальцев успокаивать их мучительные томления. Иные помогают раненым на бастионах, под самым огнем неприятельских пушек. Многие из них пали жертвами от прилипчивых госпитальных болезней».

Сам Пирогов и почти все сестры и врачи его отряда переболели сыпным тифом.

В другой раз Пирогов записал о сестрах: «Они день и ночь попеременно бывают в госпиталях, помогают при перевязках, бывают и при операциях, раздадут больным чай и вино, наблюдают за служителями и за смотрителями и даже за врачами. Присутствие женщины, опрятно одетой, и с участием помогающей, оживляет плачевную юдоль страданий и бедствий».

Пирогов и все члены его отряда часто работали под обстрелом. Возле Николая Ивановича неоднократно разрывались бомбы, но он продолжал работу. Его пример воодушевлял других.

Старшая сестра Будберг была контужена осколком бомбы, сопровождая тяжелораненных на перевязочный пункт. В другой раз она же и другая сестра были ранены при взрыве шаланды с порохом; выбраться из-под обломков ей помог раненый, за которым она ухаживала.

Сестры мужественно исполняли свой долг. 17 из них погибли, облегчая страдания раненых и больных и по мере сил помогая Пирогову в его трудной работе.

Чтобы дать представление о размахе организаторской деятельности Пирогова, достаточно сказать несколько слов о впервые предложенных им мероприятиях по транспортировке больных и раненых с поля боя. В Крымскую военную компанию перевозка больных и раненых была поставлена из рук вон плохо, особенно зимой. Больных приходилось перевозить на расстоянии в 500–700 км. Часто они прибывали с отмороженными конечностями, а то и вовсе не доезжали до места. Пирогов образовал особое транспортное отделение сестер во главе с Е.М. Бакуниной. Впервые посылая эту свою верную соратницу сопровождать транспорт, он вручил ей собственноручно написанные им вопросы, на которые она по возвращении должна была дать исчерпывающие ответы. Вот некоторые из этих вопросов: возможна ли перевозка раненых на этапах? как организовано питание транспортируемых? выдается ли им теплая верхняя одежда? осматривают ли растянувшийся транспорт врачи и фельдшера и т.д. Сестрам транспортного отряда вменялось в обязанность вести особый путевой журнал.

Николай Иванович понимал всю сложность задачи, которую он ставил перед ними: «Проводить целые дни и даже недели на холоде и сырости, вязнуть в грязи на проселочных этапных дорогах, наблюдать за больными, рассеянными в этапных аулах, иногда – на протяжении одной и более верст, не всегда имея достаточно средств помочь больным при внезапных переменах болезни; едва возвратившись назад, снова пускаться в знакомый путь» (1856).

В транспортировке раненых, как и в области непосредственного медицинского обслуживания, ему удалось добиться больших результатов. Солдаты и матросы, лежавшие теперь в чистоте, хорошо питавшиеся (Пирогову удалось нанести удар по казнокрадству), окруженные заботливым уходом, души не чаяли в сестрах и врачах. Особенно популярно было имя самого Пирогова. Раненые знали, что это ему они обязаны хорошим уходом. Они ценили доступность Пирогова, его простоту, отзывчивость, чуткое отношение к себе.

Сестры милосердия делом доказывали необходимость своей работы на театре военных действий. Одна из самых верных помощниц Пирогова, сестра милосердия Екатерина Бакунина, спасла жизни многих раненых и покинула осажденный город только вместе с последними его защитниками.

Помощники Пирогова – врачи и сестры милосердия – стали его «руками, глазами и ушами» на перевязочных пунктах и в военных госпиталях. Они научились вскрывать злоупотребления госпитальных и прочих военных чиновников, проверяя состояние продовольственных складов, присутствуя при закладке продуктов в котлы, когда готовилась пища для раненых и больных, надзирая за раздачей им вина, чая, соблюдением установленных норм питания.

Одновременно под врачебно-сестринский надзор было взято санитарное состояние военно-медицинских учреждений, включая условия размещения раненых и больных, обеспеченность госпитальным бельем и прочим необходимым имуществом, освещение, отопление, своевременный вывоз мусора и нечистот и т. п., без чего невыснима работа лечебного учреждения.

В конце ноября в помощь сестрам в Крым выехали сердобольные вдовы: 32 – из Петербургского и 26 – из Московского вдовьих домов. Н.И. Пирогов с нетерпением ждал их прибытия. Понимая, какие тяготы предстоят совершенно неподготовленным женщинам, он писал: «Некоторым из них это не покажется приятным, но тут-то и видно будет, кто из них взялся за дело по призванию, а не из других видов».

По указанию Николая Ивановича сердобольные вдовы были распределены по симферопольским военным госпиталям. Впоследствии он вспоминал: «Сердобольные вдовы прибыли... в Симферополь в самое трудное и критическое время... Сестры Крестовоздвиженской общины, прибывшие за несколько недель раньше сердобольных, принявшись с большой деятельностью ухаживать за больными, не устояли и занемогли от изнурения и госпитальной заразы, так что сердобольные застали госпитали без женской прислуги. В эту критическую минуту сердобольные заступили в госпиталях по сделанному мною распоряжению вместо сестер и принялись ревностно за дело – разместились по госпитальным домам, заняли квартиры возле самих больных, занялись перевязкою раненых, переменной белья, раздачею теплого

Сестра милосердия Е.М. Бакунина

белья, которое... было не только необходимостью, но даже почти условием жизни. Проведя день и ночь в этих занятиях, многие из них также вскоре занемогли от изнурения и госпитальной заразы».

Роль отрядов сердобольных вдов в выживании раненых и больных во время всей Крымской кампании трудно переоценить. Работая в симферопольских госпиталях, они обслуживали от 7 до 13 тыс. больных и раненых, доставленных из Севастополя и других мест. Вдов разместили в холодных и сырых саклях предместий, в дежурных комнатах, в бараках без потолков и полов, но они переносили трудности своего положения без жалоб. В одном из служебных писем Н.И. Пирогов сообщал: «При первом прибытии вдов в Симферополь я дал им предписание надзирать за содержанием больных, присматривать за качеством пищи, воздуха, переменной белья, что они, живя вместе с больными, могли исполнять несравненно тщательнее самих врачей... Самые простые обязанности, как, например, раздача теплого чая... исполнялись ими с расторопностью и усердием, заслуживающим благодарности от страдальцев, для которых кружка теплого питья иногда несравненно полезнее всех врачебных предписаний... Лучшим свидетельством их самоотверженности служит то, что 12 вдов окончили свое существование, впад в болезни от госпитальных занятий и заразы».

По свидетельствам врачей-очевидцев, солдаты охотнее доверяли перевязку своих ран сердобольным, чем фельдшерам. «Матушка-барыня как-то легче перевязывает», – говорили раненые. Сердобольные ассистировали при операциях, ухаживали за послеоперационными больными; в период затишья в ходе войны 100 раненых приходилось на 1 сердобольную, а во время активных боевых действий эта цифра возрастала до 200, причем 1/3 раненых требовался, кроме перевязок, постоянный уход. Сердобольные не только ухаживали за больными, но, подобно сестрам милосердия, отмечали нарушения госпитальных порядков и злоупотребления. В августе 1855 г. в Симферополь прибыло второе отделение сердобольных вдов (14 – из Петербурга, 11 – из Москвы) и 10 се-

Н.И. Пирогов с сестрами милосердия на северной стороне Севастополя (с картины художника П. Бучкина)

стер милосердия из московской Никольской общины. Кроме того, было разрешено принимать местных жительниц в помощь вдовам и сестрам.

Так в осажденном Севастополе, благодаря Пирогову, рождался общественный контроль за деятельностью администрации, что немедленно принесло благотворные плоды. Николай Иванович принимал непосредственное участие в распределении благотворительной помощи. Он так писал в своем дневнике: «...на днях я роздал по рукам по осьмушке чаю и по фунту сахару на каждого больного из пожертвованных сумм, купил чайников и вина. Женщины при нас во время перевязки поят больных чаем и раздают им по стакану вина».

При обороне Севастополя проявились уникальные организаторские способности великого хирурга. В журнале экспедиции им сделана такая запись: «Пробыв 12 дней в Севастополе, я успел за это время распределить больных по отделениям, отделить нечистые раны от чистых и оперировать почти всех запущенных с 24-го октября». «Если запустить первые два дня после сражения, – твердил Пирогов, – то делается чертовский беспорядок, от которого у каждого голова закружится... Желая помочь всем раненым и без всякого порядка перебегая от одного раненого к другому, врач теряет голову, выбивается из сил и не помогает никому».

Во время обороны Севастополя Пирогов первым в мире предложил медицинскую сортировку раненых и пораженных на поле боя на 4 группы: 1-я – смертельно раненные, которые нуждались в облегчении мучений наркотиками; 2-я – раненые, нуждавшиеся в немедленном оперативном вмешательстве здесь же, на перевязочном пункте; 3-я – те, которых следовало отправить в госпитали; 4-я – легкораненые, которым оказывали помощь и отправляли обратно в часть. Эта система сортировки раненых помогла упорядочить медицинскую службу. Больные тифом, холерой и страдавшие гангренозными ранами были отделены от других. Все делалось четко и быстро, особенно в дни крупных боев.

Во время Великой Отечественной войны учение Пирогова о медицинской сортировке раненых и больных было реализовано следующим образом: в медико-санитарных батальонах были созданы приемно-сортировочные отделения, в обязанности которых входили только прием и сортировка раненых, поступающих из частей дивизий... Методы сортировки, применявшиеся Пироговым на перевязочном пункте в Севастополе и описанные им

в письме к доктору Зейдлицу, почти целиком и полностью оказались приемлемыми для наших приемно-сортировочных отделений медико-санитарных батальонов.

Какой это огромный труд, особенно если принять те условия, в которых работал Пирогов! То, что он называл «распределением больных», представляло собой не только общий осмотр и разборку 1500 раненых и упорядочение их положения; по ходу «распределения» он произвел много операций, особенно резекций локтя. Тогда он применял свою гипсовую повязку, которую накладывал на поврежденные конечности, надеясь сохранить их и избежать ампутации.

Первичная обработка раны в ее понимании современной медициной не была известна во времена Пирогова. Проведенные им на Кавказе в 1847 г. опыты по первичной ампутации в случаях огнестрельных повреждений бедра заставили его усомниться в целесообразности этой операции. В 1849 г. Пирогов окончательно пришел к выводу, что при огнестрельных переломах бедра ампутации не дают должного результата. Тогда он решил, что следует испытать так называемый сберегательный способ лечения, т.е. неподвижную гипсовую повязку, накладываемую тотчас после ранения. Это было весьма новое, ценное открытие в хирургии, так как тогда ни стерилизация, ни антисептические средства еще не применялись.

Н.И. Пирогов первым в мире применил гипсовую повязку, что стало гордостью русской хирургии. Иностранцы авторы приписывают приоритет гипсовой повязки голландскому врачу Матисену, хотя известно, что Матисен опубликовал свое изобретение позже Пирогова.

Большое значение Пирогов придавал транспортной гипсовой повязке, т.е. повязке, применявшейся при перевозке раненых. В его трудах можно найти немало советов по гипсовой технике. Он применял гипсовую повязку, наложенную без подстилки, на голую конечность, а также пользовался глухой и съёмной гипсовой повязкой, которая в настоящее время нашла широкое применение в травматологии и ортопедии при лечении переломов.

В Севастополе Николай Иванович сначала поселился в северной, сравнительно безопасной, части города. Но по мере усиления боев и из-за больших трудностей, связанных с перевозкой раненых через бухту, он со всем своим отрядом переехал в южную часть города и организовал там медицинскую помощь раненым и пораженным. Главный перевязочный пункт с первых дней осады был оборудован в просторном здании Дворянского собрания. До приезда Пирогова там оставляли и тяжелораненых и оперированных. За санитарными условиями не следили. В результате стали развиваться рожа и гангрена. Взят в свои руки руководство помощью раненым, Николай Иванович прежде всего позаботился о наведении чистоты и должного санитарно-гигиенического порядка в медицинских учреждениях. Чистка и проветривание здания Дворянского собрания длились 6 нед, и на это время главный перевязочный пункт был перенесен в другое место. Для оперированных и больных устроили постоянный госпиталь в Николаевской бухте, а гангренозных выделили особо.

Постоянная опасность и изнурительный труд не нарушили бодрости Николая Ивановича. Угнетала его только невозможность преодолеть все неполадки и злоупотребления. «Кровь, грязь и сукровица, в которых я ежедневно вращаюсь, – писал Пирогов, – давно уже перестали действовать на меня, но вот что печалит меня, что я

не вижу утешительных результатов, несмотря на все мои старания и самоотвержение».

Конечно, в этих словах – много преувеличения, вытекавшего из всегдашней неудовлетворенности большого человека плодами своей деятельности, как бы продуктивна она ни была. На самом деле Пирогов добился очень многого. Беспорядочная суета и грязь, царившие прежде в помещении Дворянского собрания и в других лечебных пунктах, сменились строгим порядком и чистотой. Врачи, фельдшера и служители проворно и деловито передвигались между ранеными; всюду мелькали белые капюшоны сестер, помогавших при перевязках, принимавших на сохранение деньги и вещи. В операционной непрерывно производились операции на 3 столах, за каждым столом работали 3 врача: 1 следил за пульсом во время усыпления, другой оперировал, 3-й прижимал артерию.

В марте 1855 г. неприятель, получив крупные подкрепления, возобновил решительные действия, введя в дело почти 500 орудий. Над осажденным городом стоял немолкаемый рев канонады, взрывались пороховые погреба, рушились укрепления и дома. 10 дней, то ослабевая, то вновь усиливаясь, длилась жестокая канонада. Но и в эти грозные дни русским людям не изменили выдержка и хладнокровие. Презирая смерть, они геройски сопротивлялись неприятелю. Через руки Пирогова прошли в эти дни 5 тыс раненых. Он лично произвел около 1000 операций.

Во время обороны Севастополя Пирогов блестяще осуществил идею обезболивания при операциях, впервые в истории медицины широко применив метод эфирно-масляного прямокишечного наркоза. Этот способ был использован в Севастополе в 10 тыс. случаев.

О напряженности работы Пирогова в Крыму можно судить, например, по такой записи: «У нас было ... 1 800 раненых. Вся эта масса раненых в ту же ночь и на другой день была размещена ... в городе. И мы работали два дня, пока удалось почти всем доставить необходимую помощь».

Характер оказываемой помощи был строго регламентирован. **В осажденном Севастополе Н.И. Пироговым были отработаны на практике стратегические и тактические подходы к хирургическому лечению огнестрельных ран у раненых и пораженных, а также объемы выполняемых при этом хирургических вмешательств.**

«Извлечение пуль, расширение ран сначала не предпринимаются, – писал Пирогов профессору Зейдлицу. – Это напрасный труд, над которым многие неопытные хирурги много теряют времени. В самом деле, раненый ничего от того не выигрывает, что ему вырежут пулю, которая торчит под кожей. Напротив того, ему можно повредить, если второпях пальцем или зондом доискиваться в ране пули, которая засела под толстыми или напряженными мышечными слоями, а может быть, и в кости, для того только, чтобы удовлетворить своему тщеславию и похвастать, что «я, мол, вытащил столько-то пуль». Этим ослепляется только непросвещенная публика, которая самодовольно улыбается, если хирург из раны вытаскивает пулю или пыж. Это вид помощи неспешной, со временем и при большем досуге все это совершается гораздо легче и с меньшим ущербом для больного. Напротив того, раненые со сложными переломами тотчас и весьма тщательно исследуются. Первый диагноз для каждого сколько-нибудь опытного врача не труден. Кре-

питация и ненормальная подвижность составляют два важнейших признака. Таких раненых тотчас приносят в операционную комнату, кладут их на стол или на скамью, сперва хлороформируют, потом снимают повязку и решают, может ли раненый член быть сохранен или же нужны ампутация или резекция».

Это письмо показывает, как четко и уверенно построил Пирогов свою систему, которая держалась именно на нем. Он был ее душой. Сознывая это, он работал, не жалея ни сил, ни времени.

Но силы его в конце концов истощились. 1.06.1855 г. он уехал отдохнуть в Петербург. После его отъезда налаженная им работа продолжалась, однако прежнего воодушевления не было. Лучшая сестра пироговского отряда, Екатерина Михайловна Бакунина, писала об этом так: «... После отъезда Пирогова, работали непрерывно, аккуратно, но не было того оживления, той живости, того душевного участия».

Севастополь вновь подвергся ожесточенному штурму. Неравенство сил было слишком велико, и героические защитники города вынуждены были отступить. Гарнизон и все учреждения перебравшись через бухту на северную сторону. Вскоре Пирогов вернулся в Севастополь.

В одном из писем Николая Ивановича можно найти следующее замечание: «Кто думает, что я поехал в Севастополь только для того, чтобы резать руки и ноги, тот жестоко ошибается. Этого добра я уже довольно переделал».

Смысл этого замечания в том, что, стремясь на фронт, Пирогов хотел применить не только свое хирургическое искусство, но и свой недюжинный талант организатора и администратора. Эту свою задачу он видел в том, чтобы обнаружить и устранить недостатки в лечебной помощи, выпестовать кадры молодых военных врачей, внедрить новые способы хирургических операций и ухода за ранеными и проверить на опыте некоторые из своих научных положений.

«За кого же считают солдата? – говорил Пирогов, бичуя преступную небрежность военной администрации, не позаботившейся о раненых после Инкерманского и Балаклавского сражений. – Кто будет хорошо драться, когда он убежден, что, раненого, его бросят, как собаку?»

Солдаты глубоко уважали Николая Ивановича за независимость, прямоту, за то, что он не угодничал перед начальством, не молчал о недостатках, а боролся с ними. Сам он высказывался на этот счет так: «А мне для чего молчать? Я вольный казак. Хотят на меня скалить зубы и за спиной ругаться, пусть их делают, а я все-таки худо-го хорошим не назову».

Для самого Николая Ивановича Крымская кампания не прошла бесследно. Он вынес из нее очень много – и как врач, и как человек. Его патриотизм проявлялся буквально во всем – в переживаниях за судьбу Севастополя, Родины, в ненависти к чиновникам и бюрократам, в бессонных ночах у операционного стола, в самоотверженном труде, личном героизме.

Н.И. Пирогов прожил большую жизнь, ставшую примером беззаветного служения медицине, профессиональному долгу, своему народу. **Отмечая в этом году 200-летие со дня рождения великого хирурга, мировая медицинская общественность отдает дань уважения русской науке, огромный вклад в развитие которой внес Николай Иванович Пирогов.**